

*И.А. Силаева***К оценке Н.Н. Оглоблина как сибиревода
в отечественной историографии***I.A. Silaeva***To N.N. Ogloblin's Assessment as a Siberian Historian
in Russian Historiography**

Делается вывод о том, что научное наследие Н.Н. Оглоблина благодаря изучению им массива документов архива Сибирского приказа нередко привлекало внимание отечественных историков, отмечавших и достоинства, и недостатки в трудах этого ученого.

Ключевые слова: Н.Н. Оглоблин, Сибирь, историография, архивный фонд, научное наследие.

Богатое научное наследие выдающегося отечественного сибиревода Н.Н. Оглоблина неоднократно привлекало внимание исследователей.

Первая часть его «Обозрения столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.)», которая была издана в 1895 г., получила высокую оценку ученых. Так, по мнению В.С. Иконникова, обилие данных и систематизация материала в «Обозрении» позволяют причислить этот труд к числу самых обстоятельных и ценных исследований по истории [1, с. 206].

А.В. Ефимов, говоря об изучении Н.Н. Оглоблина биографии С. Дежнева, отмечал, что ученый исследовал в 1890-х гг. челобитные знаменитого землепроходца и его товарищей и опубликовал эти документы в ряде статей. Ученый приходит к выводу о том, что Н.Н. Оглоблин, как и Г.Ф. Миллер, не систематизировал сведения о походе С. Дежнева, не раскрыл научного и культурно-исторического значения русских географических открытий XVII в. в Сибири [2, с. 9, 10]. (А.В. Ефимов указал на ошибку Н.Н. Оглоблина при публикации челобитной Дежнева от 1662 г. о походе к анаулам). Тем не менее А.В. Ефимов признавал ценность трудов Н.Н. Оглоблина, которые явились новым этапом в изучении истории похода С. Дежнева, экспедиций восточносибирских служилых и торговых людей.

В отзыве о первой части подготовленного ученым «Обозрения столбцов и книг Сибирского приказа» В.Г. Васильевский указал на систематизацию автором сведений о делопроизводстве сибирских учреждений, что восполнило существенный пробел в исторической литературе и дало возможность историкам ориентироваться в массиве ранее неопубликованного документального материала. Приведенные Н.Н. Оглоблиным документы, как отмечали исследователи, свидетельствуют о точности передачи им исторического материала [3, с. 3].

N.N. Ogloblin's scientific heritage owing to his study on Siberian order's archival fund quite often drew attention of Russian historians who noticed advantages and shortcomings in the scientist's works.

Key words: N.N. Ogloblin, Siberia, historiography, archival fund, scientific heritage.

Вместе с тем рецензенты находят, что нередко при изложении содержания документов в труде Н.Н. Оглоблина отсутствуют подробности, а это лишает читателя важнейших данных.

Хотя, с точки зрения В.Г. Васильевского, Н.Н. Оглоблин намеревался, как указано в предисловии в «Обозрении», избегать деталей того, что относится к «исследованию», однако автор часто пытался объяснить рассмотренный материал, но делает выводы, часто оспариваемые другими учеными.

В.Г. Васильевский признает «Обозрение» Н.Н. Оглоблина полезным вкладом в современную русскую археографическую литературу. Он отметил объем изученного ученым материала (до 1114 таможенных «приходных и соболиных» книг) и верную систематизацию источников [3, с. 4].

Незначительные же погрешности работы Н.Н. Оглоблина не искажают и не умаляют значимости огромного труда ученого. Оценка В.Г. Васильевским «Обозрения» содействовала присуждению Н.Н. Оглоблину премии имени А.М. Сибирякова [3, с. 5].

В отдельной рецензии А.С. Лаппо-Данилевского также отмечены достоинства труда Н.Н. Оглоблина. Так, А.С. Лаппо-Данилевский писал, что отсутствие до выхода в свет «Обозрения» Н.Н. Оглоблина надлежащего описания множества ценнейших исторических материалов не позволяло исследователям приступить к систематическому ознакомлению с документами, касающимися истории Сибири. По мнению рецензента, Н.Н. Оглоблин заполнил значительный пробел в русской археографической литературе благодаря рассмотрению массива документов таможенного управления.

Впрочем, А.С. Лаппо-Данилевский замечает, что исследование Н.Н. Оглоблина коснулось лишь столбцов и книг Сибирского приказа, хранящихся

в Московском архиве Министерства юстиции (далее — МАМЮ) [4, с. 8].

На взгляд А. С. Лаппо-Данилевского, к документам «по сношениям местного управления и населения с центральным управлением» ученый относит многочисленные разнообразные материалы Сибирского приказа, при этом незаслуженно оставляя без внимания другие важные документы, такие как отписки, направляемые представителями воеводского и таможенного управления в Сибирский приказ, при этом указывая во введении своего труда на то, что собирался изучить документы Сибирского приказа, охватывающие не только XVII, но и XVIII в. (по 1768 г. включительно). По мнению А. С. Лаппо-Данилевского, Н. Н. Оглоблиным была поставлена задача изучения материалов, предполагающая просмотр всех документов. Автор рецензии ссылался на нежелание Н. Н. Оглоблина увеличить и без того большой объем своего труда, в результате чего, по мнению А. С. Лаппо-Данилевского, были допущены значительные пробелы [4, с. 9].

А. С. Лаппо-Данилевский считает, что указатели, составленные Н. Н. Оглоблиным, не отличаются полнотой, так как в них отражены не все документы, рассмотренные ученым, не всегда удобно пользоваться текстом и указателями Н. Н. Оглоблина. Так, ориентирующая в массе материала таблица могла бы существенно помочь при изучении материала. Н. Н. Оглоблин не уделил внимания ценовым росписям ясака из-за недостаточной их ценности для историка. Н. Н. Оглоблиным лаконично рассмотрены таможенные приходные и соболиные книги.

А. С. Лаппо-Данилевский, как и В. Г. Васильевский, сделал вывод о том, что Н. Н. Оглоблиным допущены излишние подробности при изложении документального материала, однако некоторая его часть описана мимоходом. В труде Н. Н. Оглоблина часто отсутствуют обстоятельные перечисления документов, о чем сожалеет рецензент [4, с. 10].

Так, излишне подробно дано описание Н. Н. Оглоблиным обыскной книги тобольской таможенной избы (1635/36 г.). Некоторый материал, которому Н. Н. Оглоблин уделил внимание, по мнению А. С. Лаппо-Данилевского, все-таки нечетко представлен читателю. Среди таких документов были «поживотные приходные книги» мангазейских целовальников (1629/30 г.), при этом не показано различия между «животами, товарами и капиталами». Неточности у Н. Н. Оглоблина отмечены рецензентом также в описании таможенных (общих) приходных книг относительно десятинной таможенной пошлины [4, с. 11].

А. С. Лаппо-Данилевский с недоумением писал про сведения Н. Н. Оглоблина о поанбарной пошлине и упрекнул его за отсутствие данных о полавочной пошлине в Сибири [4, с. 12]. По мнению рецензента, Н. Н. Оглоблиным должны были быть подробно разъяснены упоминаемые им сборы. А. С. Лаппо-Данилевским

отмечена и необходимость более подробного описания Н. Н. Оглоблиным отписки чечуйского таможенного целовальника Я. Котельникова якутскому воеводе Ф. Бибикову, касающейся приема Чечуйского острожка от прежнего целовальника и отправке в Якутск соболей и денег. К упущениям исследователя А. С. Лаппо-Данилевский относит и то, что при перечислении рукописных сборников проезжих памятей Н. Н. Оглоблин не пояснил, в каких изданиях их можно найти [4, с. 13].

А. С. Лаппо-Данилевский нашел чрезмерно подробным описание Н. Н. Оглоблиным некоторых материалов, являющихся общераспространенными, например, документов о злоупотреблениях (об осмотре «животов» березовского воеводы А. А. Плещеева-Мешкова и выявлении у него пушнины при проезде через Урал). Рецензент также полагал, что самостоятельность служилых людей появилась гораздо позднее, чем в представлении Н. Н. Оглоблина. Последний ссылался только на один случай, как показал А. С. Лаппо-Данилевский, относительно царского указа 1646 г., содержащего распоряжение таможенным головам с выборными целовальниками сибирских городов, кроме Тобольска, выдавать торговым и промышленным людям проезжие грамоты, отпускать их со всеми товарами [4, с. 14].

Как указывает А. С. Лаппо-Данилевский, Н. Н. Оглоблин признает факт подчиненности таможенных голов воеводам, однако в отдельных частных проявлениях. Например, о результатах деятельности таможенных изб обязательно сообщалось воеводам, и последние вправе были привлекать голов к участию в разных хозяйственных и торговых операциях воеводского управления [4, с. 15]. А. С. Лаппо-Данилевский также отметил, что Н. Н. Оглоблиным смешивается теоретическая точка зрения с практической, а также заметны следы лишь предварительного изучения некоторых материалов.

А. С. Лаппо-Данилевским объяснения Н. Н. Оглоблина не всегда оцениваются как удачные. Его предположения, на взгляд А. С. Лаппо-Данилевского, также зачастую кажутся малообоснованными, к примеру, о торговле крестьян Н. и Д. Пахомовых мягкой рухлядью [4, с. 16].

По заключению Н. Н. Оглоблина, назначение выборных людей в другие города делало таможенных голов более независимыми от местных воевод. С точки зрения рецензента, при таких назначениях злоупотребления местных голов никак не уменьшались, как и влияние земских людей.

Несмотря на указанные недостатки «Обозрения», А. С. Лаппо-Данилевский считал эту работу весомым вкладом в современную русскую археографию, трудом, способствующим прочному и твердому движению науки [4, с. 17], признавал право Н. Н. Оглоблина на получение премии имени А. М. Сибирякова [4, с. 18].

С. В. Бахрушин подготовил несколько статей по истории хантов XVII в., используя материалы

Н. Н. Оглоблина, «давшего хорошее описание дел Сибирского приказа» [5, с. 230].

По замечанию С. В. Бахрушина, в «Обзрении» Н. Н. Оглоблина ошибочно сказано, что в ряде столбцов ничего не говорится о западносибирском восстании 1660-х гг., а также не раскрыты информационные возможности некоторых соответствующих архивных дел [6, с. 231].

Ф. А. Кудрявцев полагал, что Н. Н. Оглоблин главной причиной восстаний считал злоупотребления воевод, доходившие в Сибири до грандиозной степени, приводившие к ухудшению условий жизни населения. Н. Н. Оглоблин писал, что бунты были прямо пропорциональны воеводским злоупотреблениям и иногда длились несколько лет, превращаясь в активные военные действия с осадой и прямым изгнанием воевод из городов. На места изгнанных назначались выборные судейки, организовывались «мирские круги, советы, думы», руководившие народным движением против воевод. Такие органы власти брали на себя все функции, ей присущие, вели «государевы» дела. Как отмечал Ф. А. Кудрявцев, Н. Н. Оглоблин признавал эти органы временными, так как после отстранения народом злоупотреблявших властью воевод из Москвы направлялись вновь назначенные, которые через некоторое время также нарушали права сибирского населения [7, с. 4].

В. Г. Мирзоев называл Н. Н. Оглоблина представителем радикального крыла либерализма и отмечал, что все его творчество связано с документальным фондом Министерства юстиции, рассматривая который, исследователь выступает как историк-архивист. Н. Н. Оглоблин уделил наибольшее внимание сибирскому источниковедению, истории открытия и изучения Сибири, борьбы казаков против воеводского управления. Объединяющей, по мнению В. Г. Мирзоева, темой всех трудов Н. Н. Оглоблина была роль народа в истории Сибири, рассмотрение прошлого Сибири как результата деятельности сибирского населения. Н. Н. Оглоблиным признавались заслуги сибиряков перед мировой наукой. Ученый интересовался классовыми волнениями в Сибири. Как писал В. Г. Мирзоев, масштабная архивоведческая работа Н. Н. Оглоблина была систематизирована в «Обзрении столбцов и книг Сибирского приказа» [8, с. 375].

«Обозрение» создавалось Н. Н. Оглоблиным как указатель для изучения истории Сибири, в котором приводились различные документы (важные и незначительные, старые и новые, достоверные и недостоверные). По мнению В. Г. Мирзоева, при этом Н. Н. Оглоблин использовал тот же принцип сбора и классификации документов, что и в «Обзрении историко-географического материала XVII и начала XVIII веков». В процессе работы над «Обзрением» Н. Н. Оглоблину пришлось выяснять степень достоверности фактического материала. Он заме-

тил и недостатки в документах Г. Ф. Миллера, изданных Археографической комиссией [8, с. 376]. Несмотря на выявление искажений у Г. Ф. Миллера, В. Г. Мирзоев приходит к выводу о том, что данным «отца сибирской истории» следует доверять, несмотря на интуитивное суждение Н. Н. Оглоблина по этому вопросу. Как показал В. Г. Мирзоев, сначала Г. Ф. Миллер, а затем и Н. Н. Оглоблин оценили преимущество исторических трудов С. У. Ремезова. Н. Н. Оглоблин осуществил глубокий анализ источников С. У. Ремезова, использованных для «Чертежной книги». Именно благодаря Н. Н. Оглоблину роль С. У. Ремезова была признана и оценена историками [8, с. 377].

Немаловажное значение В. Г. Мирзоев придавал работам Н. Н. Оглоблина, посвященным географическим открытиям с описаниями земель и морских путей, сделанным простыми сибиряками. Н. Н. Оглоблин обязательно освещал такие открытия русских людей. Так, он подробно изучил деятельность знаменитого мореплавателя С. Дежнева [8, с. 378]. Именно Н. Н. Оглоблиным была обнаружена первая челобитная С. Дежнева, подтверждающая открытие им Беренгова пролива еще в 1648 г.

В. Г. Мирзоев отмечает заслугу Н. Н. Оглоблина и при изучении деятельности В. Атласова. Открытие этим мореплавателем Камчатки подтверждается, по заключению Н. Н. Оглоблина, «скасками», составленными В. Атласовым о первом камчатском походе [8, с. 379]. Среди первооткрывателей, деятельность которых была исследована Н. Н. Оглоблиным, В. Г. Мирзоев называет и Стадухина, Селиверстова, Реброва.

Интерес Н. Н. Оглоблина к народным волнениям отразился, как показывает В. Г. Мирзоев, в ряде работ ученого, рассмотревшего для освещения данной темы огромный массив документов Сибирского приказа. В. Г. Мирзоев показал, что среди причин восстаний Н. Н. Оглоблин выделял тяготы сибирской службы, произвол властей, столкновение государственного начала с народным, стремление избавиться от гнета воевод, переселиться в необжитые районы отдельным свободным «миром». Н. Н. Оглоблиным в ряде работ был отражен состав восставших и описано тяжелое положение населения, а также женская доля в Сибири [8, с. 380, 381].

В. Г. Мирзоев считает, что Н. Н. Оглоблин ставил на первое место в истории Сибири деятельность инородцев, а следующее отводил первопоселенцам, судя по статьям об остяцких знаменах и остяцких князьях XVII в.

В. Г. Мирзоев, анализируя деятельность Н. Н. Оглоблина, приходит к выводу, что этот архивист считал XVII в. периодом народных восстаний против злоупотреблений воевод, сословной борьбы, а также общности народов Сибири. Либеральные выводы

Н.Н. Оглоблина и оценка монархии как гуманной и справедливой системы отличали его от других историков.

В.Г. Мирзоев подчеркивает несомненный вклад Н.Н. Оглоблина в сибирскую историографию. Благодаря сдержанным оценкам Н.Н. Оглоблина при установлении исторических фактов его труды, среди которых и грандиозное «Обозрение...», по мнению В.Г. Мирзоева, актуальны в любое время. Работы Н.Н. Оглоблина были приняты за основу многими последующими историками, например А.И. Андреевым [8, с. 382].

М.Б. Шейнфельд показал, что, приступив к работе над «Обозрением» в 1886 г., Н.Н. Оглоблин уже был опытным историком-архивоведом. Совместно с Н.В. Калачовым он разработал новый метод научно-тематического архивного описания, примененный еще в «Обозрении историко-географических материалов, заключающихся в книгах Разрядного приказа» (1881 г.). «Обозрение» Н.Н. Оглоблина содержит информативный материал 1644 книг, 1520 целых столбцов и 164 разбитых столбцов. М.Б. Шейнфельд также отметил расхождения между Д.Я. Самоквасовым и Н.Н. Оглоблиным в оценке научного значения «Обозрения» [9, с. 271] и показал, что Н.Н. Оглоблин не был сторонником юридического подхода к классификации и не использовал группировку документов по социально-политическому признаку. Сохранилось письмо Н.А. Попову от Н.Н. Оглоблина (10 ноября 1891 г.) с указанием, что порядок восхождения от дел местного управления к делам центрального управления принят вследствие вторичности деятельности московского относительно сибирского. Н.Н. Оглоблин указывал на правдивость и содержательность использованных источников, а также на степень отражения в них жизни народа. С точки зрения ценности Н.Н. Оглоблиным, указывает М.Б. Шейнфельд, выделялись отписки и грамоты, челобитные, дела о ссыльных, злоупотреблениях служилых людей и хозяйственные дела. Не менее важными Н.Н. Оглоблин считал челобитные духовных, служилых, торговых, промышленных людей, ясачных и пашенных крестьян, гулящих людей. Ученым упоминался «голос народа», звучащий в данных документах [9, с. 272].

М.Б. Шейнфельд напоминал, что рецензировавший «Обозрение» Д.Я. Самоквасов признавал достоинства этого труда, но в то же время писал о малой пользе «Обозрения» для науки. Напротив, М.Б. Шейнфельд замечал, что присуждение премии Академии наук имени А.М. Сибирякова Н.Н. Оглоблину и использование «Обозрения» в развитии историографии как незаменимого руководства, которое раскрывало содержание массива документов по истории Сибири XVI–XVII вв., подтвердили необходимость и ценность подобных исследований [9, с. 273].

С точки зрения М.Б. Шейнфельда, выражение социального протеста, заинтересовавшее Н.Н. Оглоблина, приближало его к раскрытию темы классовой борьбы

в Сибири в XVII в. и привело к пониманию социальных корней народных бунтов. Н.Н. Оглоблин писал 15 октября 1900 г. С.И. Шубинскому о том, что в своих исследованиях он делает упор не на воеводские злоупотребления, а на выступления народа против них. М.Б. Шейнфельд подчеркивает, что в статье «Бунт и побег на Амур “воровского полка” М. Сорокина» злоупотребления воевод уходят на второй план, а основной причиной мятежа оказываются тяготы сибирской службы, лишь усугубленные произволом власти. Н.Н. Оглоблин указывал на участие в народном движении служилых людей, посадских, промышленных, а также гулящих людей и крестьян.

По замечанию М.Б. Шейнфельда, закономерные причины народного восстания (стремление отделиться от государевых воевод, жить свободной общиной) раскрыты Н.Н. Оглоблиным в статье о Нерчинском заговоре [9, с. 274].

Томский бунт 1637–1638 гг. также был рассмотрен Н.Н. Оглоблиным, причем М.Б. Шейнфельд подчеркивает, что данное волнение историк считал характерным для социальных движений в Сибири XVII столетия. Н.Н. Оглоблин указывал на то, что бунт возник в результате воеводских злоупотреблений и стремлений представителей власти обогатиться. Им показано серьезное столкновение интересов «мира» служилых людей с интересами государя. Причиной Томского бунта 1648 г. Н.Н. Оглоблин называл ухудшение положения трудового населения, выразившееся в росте повинностей крестьян. Как заметил М.Б. Шейнфельд, Н.Н. Оглоблиным в Красноярском бунте 1695–1698 гг. было выделено две группы участников: одна часть считала, что существует возможность устроиться в Сибири самостоятельно и навсегда, другая верила в существование лояльных воевод.

По мнению М.Б. Шейнфельда, в представлении Н.Н. Оглоблина служилые сословия заслоняли классовую структуру, а классовую борьбу ученый не считал проявлением внутренней антагонистичности общественных отношений. Эта точка зрения Н.Н. Оглоблина на сословные антагонизмы нередко оспаривалась историками [9, с. 275].

Якутский розыск о розни детей боярских и казаков представлен Н.Н. Оглоблиным как проявление борьбы между разными группами населения. Несмотря на сочувствие Н.Н. Оглоблина к угнетенным, он, по мнению М.Б. Шейнфельда, не переходит границы либерализма [9, с. 276].

Е.В. Чистякова указывала на то, что Н.Н. Оглоблин подробно рассматривал ход Томского восстания 1648 г. Исследователь, как заметила Е.В. Чистякова, описал также томские восстания 30-х гг. XVII в., перечислив группы их участников [10, с. 211, 212, 217, 218].

В представлении Д.Я. Резуна, Н.Н. Оглоблин обратил особое внимание на социальную борьбу, упустив

при этом экономическую обстановку. Д. Я. Резун считает работу Н. Н. Оглоблина, посвященную Красноярскому бунту 1695–1698 гг., первым из трудов о классовой борьбе в городах Сибири XVII в., где тема рассмотрена на конкретном материале, отражающем особенности событий в Красноярске и общие закономерности подобных восстаний в других сибирских городах [11, с. 159].

Д. Я. Резун отмечает, что Н. Н. Оглоблиным Красноярский бунт был выделен среди волнений, основной причиной которых являлось недовольство плохими администраторами. Н. Н. Оглоблин констатировал столкновение интересов сибирских служилых людей с интересами пришлых московских воевод и начальных людей, что, по мнению исследователя, сделало бунт неизбежным. Не последнюю роль в его возникновении сыграли и воеводские злоупотребления, что привело к столкновению мира служилых людей с интересами «великого государя». Д. Я. Резун считает методы исследования Н. Н. Оглоблина присущими буржуазному ученому-объективисту. По определению Д. Я. Резуна, Н. Н. Оглоблину было свойственно внимание к выборным организациям восставших, отсутствие бранных эпитетов применительно к повстанцам, признание произвола местной и центральной администрации, умение проводить социальный анализ противоборствующих сил. На взгляд Д. Я. Резуна, обращение Н. Н. Оглоблина к Красноярскому бунту со временем привело к появлению первого марксистского монографического исследования по истории классовой борьбы в Восточной Сибири к концу XVII в. — книги Ф. А. Кудрявцева [11, с. 160, 161].

А. С. Чупров признавал серьезный вклад Н. Н. Оглоблина в изучение городских восстаний и волнений XVII столетия. Именно Н. Н. Оглоблин, с точки зрения А. С. Чупрова, было положено начало изучения данного вопроса. Н. Н. Оглоблин, который относился к либерально-буржуазному направлению сибирской историографии, опубликовал восемь статей на эту тему с подробным освещением событий томских восстаний 1637–1638, 1648 гг., нарымского бунта 1649 г., побега на Амур из Илимского острога полка М. Сорокина в 1645–1655 гг., якутского конфликта 1668–1669 гг., Красноярского бунта 1695–1698 гг. и Нерчинского заговора.

По наблюдению А. С. Чупрова, исследования Н. Н. Оглоблина имеют широкие хронологические и географические рамки. Ценный материал, проанализированный ученым, был изложен в интересном историческом контексте. В «Обзрении столбцов и книг Сибирского приказа», по мнению А. С. Чупрова, Н. Н. Оглоблин раскрыл богатство многих архивных документов [12, с. 149, 151].

На взгляд А. С. Чупрова, работам Н. Н. Оглоблина свойственно не простое изложение фактов городских восстаний, а выявление и объяснение причин волнений, среди которых назывались тяготы служ-

бы в Сибири, различие интересов служилого населения и государства, злоупотребления со стороны воевод, неудовлетворительное материальное положение рядовых служилых людей, раздоры между воеводами, сбор натуральных повинностей, разница в положении казаков и детей боярских, раздоры между коренными жителями и русскими народами, протесты против ссылки, национальный вопрос, привлекательность необжитых земель Амурского края и Дальнего Востока. А. С. Чупровым, как и М. Б. Шейнфельдом, рассмотрен подход Н. Н. Оглоблина к социальным корням восстаний. Однако А. С. Чупров находил неубедительными заключения Н. Н. Оглоблина и писал о необходимости объяснения историком каждой причины [12, с. 152].

В оценке А. С. Чупрова выводы, сделанные Н. Н. Оглоблиным, составляют индивидуальную особенность исследователя, отражающую специфику буржуазной методологии исторического исследования. А. С. Чупров упрекал Н. Н. Оглоблина в отсутствии внимания к вопросу о волнениях в рядах таких слоев населения, как крестьяне, посадские, ясачные, промышленные и вольные люди.

Тем не менее А. С. Чупров указывал на существенный вклад Н. Н. Оглоблина в начало исследования борьбы народных масс в Сибири XVII в. и формулирование им такой темы исторического исследования, как «народные движения в Сибири XVII в.» [12, с. 153].

Л. М. Горюшкин и Н. А. Миненко также считали Н. Н. Оглоблина первым исследователем народных восстаний в Сибири. Ученые ссылались на выводы Н. Н. Оглоблина о причинах восстания, среди которых на первый план ставят воеводские злоупотребления. Л. М. Горюшкин и Н. А. Миненко полагали, что Н. Н. Оглоблину не удалось вскрыть социально-экономические причины волнений, но они констатировали, что Н. Н. Оглоблиным замечена общность интересов сибирских воевод и «великого государя» [13, с. 94].

Л. И. Шохин посвятил специальную статью работе Н. Н. Оглоблина над «Обзрением столбцов и книг Сибирского приказа», отметив, что замысел этого труда возник у автора в период его обучения на архивном отделении Петербургского археологического института [1, с. 200].

Документы Сибирского приказа интересовали не только Н. Н. Оглоблина, но и других историков, например, П. Н. Буцинского, А. А. Востокова, В. Н. Сторожева, И. И. Шимко. Их труды были смешанного типа: исторические и археографические. Оценивая свое «Обзрение...», Н. Н. Оглоблин писал: «...помимо прямого своего значения — разработки источников по истории Сибири, этот труд является образцом выработанного мною типа «архивных обзрений» как наиболее удобного метода научного описания массовых собраний документов». Н. Н. Оглоблин считал себя архивистом более, чем историком.

Л. И. Шохин относит начало работы над «Обозрением» к ноябрю 1886 г., когда Н. Н. Оглоблиным стали рассматриваться документы до 1649 г. в форме источниковедческого разбора. Окончание первой части работы, как показано Л. И. Шохиним, Н. Н. Оглоблиным планировалось на 1889 г. Сохранилась докладная записка Н. А. Попову (от 24 декабря 1887 г.), в которой Н. Н. Оглоблин указывал на ошибочность, неполноту заголовков архивных описей, пропуски многих документов, хронологические ошибки, что привело к необходимости обращения исключительно к подлинным документам [1, с. 201].

По свидетельству Л. И. Шохина, Н. Н. Оглоблин определил временные грани работы между частями «Обозрения» согласно свойственным русской историографии хронологическим рамкам. Н. Н. Оглоблин предложил и деление «Обозрения» по объему рассмотренных документов. Исследователь считал избранный период изучения документов более важным, чем XVIII в. Интенсивность работы над «Обозрением», как показывает Л. И. Шохин, снижалась из-за необходимости для Н. Н. Оглоблина публиковать статьи как члена московского Общества истории и древностей российских (в котором ученый состоял с 1885 г., что, кроме того, приносило архивисту дополнительный заработок) [1, с. 202].

По сведениям Л. И. Шохина, за период работы в МАМЮ Н. Н. Оглоблиным было опубликовано более 100 статей по истории, исторической географии и архивоведению. Одновременно с окончанием работы над первой частью «Обозрения» ученым была составлена Памятная книжка МАМЮ, включавшая перечень важнейших документов Сибирского приказа. Перед изданием первой части «Обозрения» Н. Н. Оглоблин планировал просмотреть еще 425 книг, и уже 22 марта 1890 г. архивист сообщил о завершении просмотра им всех столбцов и книг XVII в.

Как подчеркивал Л. И. Шохин, Н. Н. Оглоблин целенаправленно придавал «Обозрению» характер справочника, при этом зачастую обходя элементы исследования [1, с. 203].

Окончание работы над «Обозрением» датируется 1893–1894 гг. В 1892 г. сменился управляющий архивом: вместо Н. А. Попова был назначен Д. Я. Самоквасов, разрешивший Н. Н. Оглоблину и другим архивистам продолжить и довести до конца начатые ими работы [1, с. 204].

По распоряжению Д. Я. Самоквасова Н. Н. Оглоблиным была подготовлена опись фонда Сибирского приказа (в количестве 1350 книг), однако Самоквасов отказался помещать эту работу в «Описание документов и бумаг», чем поставил Н. Н. Оглоблина в сложное положение, и после 14 лет службы в МАМЮ Н. Н. Оглоблин перешел в Московский главный архив Министерства иностранных дел [1, с. 205].

Как показано Л. И. Шохиним, «Обозрение» Оглоблина было напечатано благодаря поддержке В. О. Ключевского. При поддержке сибирского мецената Г. В. Юдина Н. Н. Оглоблин продал опубликованные экземпляры «Обозрения» и вскоре написал третью и четвертую части этого труда [1, с. 208].

Л. И. Шохин относит работу Н. Н. Оглоблина к пособиям по источниковедению истории Сибири, подчеркивая, что классификация, разработанная историком, стала применяться учеными при изучении конкретно-исторических вопросов [1, с. 198]. Н. Н. Оглоблиным планировалось подготовить описание 50 столбцов Верхотурской приказной избы.

Как показывает Л. И. Шохин, архивы с документами XVII–XVIII вв. недооценивались М. Н. Покровским и другими руководителями Централархива, и в связи с сокращением штатов, которое коснулось и Н. Н. Оглоблина, научная деятельность сотрудников была прервана [1, с. 210].

Согласно оценке В. А. Александрова и Н. Н. Покровского, Н. Н. Оглоблин «на огромном архивном материале» рассмотрел «фактологическую сторону» Красноярского восстания конца XVII в., которое оценивал «как возмущение служилых людей воеводским лихоимством и выявил интереснейшую деталь — связь красноярцев с населением других сибирских городов, прежде всего Енисейска» [14, с. 291].

По словам В. Д. Пузанова, «Обозрение» — важный и нужный для науки труд, содержащий много новых материалов [15, с. 25, 63]. В. Д. Пузанов обратил внимание на критику Н. Н. Оглоблиным копий актов, привезенных из Сибири Г. Ф. Миллером [15, с. 66].

По мнению З. Я. Бояршиновой, Н. Н. Оглоблин характеризовал различные стороны жизни русских переселенцев в Сибири [16, с. 2]. Л. А. Гольдберг считал ценными работы Н. Н. Оглоблина о С. У. Ремезове [17, с. 331, 332].

А. Б. Каменский писал, что критика Н. Н. Оглоблиным Г. Ф. Миллера как историка и источниковеда не учитывала, что никакого опыта копирования документов в начале сибирского путешествия «у Миллера, как впрочем, и ни у кого другого в России того времени еще не было, как не существовало еще никаких правил и археографических приемов» [18, с. 279].

Н. Н. Покровский констатировал, что Томское восстание 1648–1649 гг. начало изучаться в конце XIX в., когда Н. Н. Оглоблин приступил к публикации документов Сибирского приказа, среди которых были перечислены и столбцы, содержащие документальный материал об этом движении. Специальная статья Н. Н. Оглоблина, посвященная восстанию, подкрепленная грамотами и другими документами по томскому делу, вышла в свет в 1903 г. Н. Н. Покровский отмечает значение, которое Н. Н. Оглоблин придавал размерам бунта, уча-

стию в нем служилых и жилецких людей. Не упустил Н. Н. Оглоблин возможность отметить и сплоченность томских жителей. Н. Н. Покровский отметил отказ Н. Н. Оглоблина последовательно излагать и анализировать материал, предоставляя данную прерогативу последующим исследователям [19, с. 7].

В. С. Флеров, изучая Томское восстание 1648–1649 гг., отметил отсутствие научного подхода в публикации Н. Н. Оглоблина [19, с. 9].

Таким образом, несомненный вклад Н. Н. Оглоблина в изучение прошлого Сибири был отмечен многими исследователями.

Библиографический список

1. Шохин Л. И. О работе Н. Н. Оглоблина над «Обзрением столбцов и книг Сибирского приказа» // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988.
2. Ефимов А. Документы об открытиях русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII веке // Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. М. ; Л., 1950.
3. Васильевский В. Г. Отчет о присуждении премии имени почетного гражданина А. М. Сибирякова // Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению. VIII серия. — Т. IV, № 3. — СПб., 1899.
4. Лаппо-Данилевский А. С. Отзыв о сочинении Н. Н. Оглоблина «Обзрение столбцов и книг Сибирского приказа» // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. VIII серия. — Т. IV, № 3. — СПб., 1899.
5. Бахрушин С. В. Научные труды. — М., 1955. — Т. 3. — Ч. 2.
6. Бахрушин С. В. Восстание в Западной Сибири в 1662–1665 гг. // Отечественная культура XVIII–XX веков : сборник статей и материалов. — Брянск, 1999.
7. Кудрявцев Ф. А. Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века. — Иркутск, 1939.
8. Мирзоев В. Г. Историография Сибири (домарксистский период). — М., 1970.
9. Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX — начало XX вв.). — Красноярск, 1973.
10. Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века (30–40-е годы). — Воронеж, 1975.
11. Резун Д. Я. К истории изучения сибирского города XVII века в русской дореволюционной исторической науке (к постановке вопроса) // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). — Новосибирск, 1978.
12. Чупров А. С. Историография городских восстаний и волнений в Сибири XVII в. // Историография городов Сибири конца XVI — начала XX вв. — Новосибирск, 1984.
13. Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.). — Новосибирск, 1984.
14. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. — Новосибирск, 1991.
15. Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири: конец XVI–XVII вв. — СПб., 2010.
16. Бояршинова З. Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России // Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху : тез. докл. — Томск, 1967.
17. Гольдберг Л. А. С. У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII — начала XVIII в.: дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1967.
18. Каменский А. Б. К вопросу о становлении русской исторической науки // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) : сб. ст. к 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова. — М., 2012.
19. Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг.: воеводская власть и земские миры. — Новосибирск, 1989.